

УДК 343.4:323.281(091)

*Н. А. Зелинская***ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ЭССЕ**

Политические преступления и политические репрессии занимают заметное место в истории человечества, наполненной печальным множеством примеров индивидуального и массового уничтожения политических противников. «Борьба с политическими противниками велась с самого начала возникновения политической власти и государства, — пишет академик В. Н. Кудрявцев. — На протяжении многих веков она не вызвала в обществе существенных нравственных или юридических затруднений. Публичные или тайные казни, пожизненное заключение в крепости, нередко с сокрытием имени узника, продажа в рабство, изгнание, истребление семьи или целого рода производились по единоличному решению владетельного князя, короля, императора, султана, и это считалось его суверенным правом» [1, с. 17–18].

Уничтожая политических противников, власть всегда охотно использовала (и использует) «неправо» и судебный механизм, позволяющий объявлять преступниками политических противников и придавать видимость легитимности расправе над ними. «В истории встречались все мыслимые совпадения и несовпадения формального обвинения, действительного обвинения и политических целей, — замечает известный историк, исследователь политических процессов Е. Б. Черняк. — Оружие политического процесса использовалось для борьбы против передовой общественной мысли, против научных доктрин, для внедрения единомыслия, для разжигания расовой вражды, националистического психоза, для оправдания агрессии, удушения свободы за рубежом и других подобных целей».

Одним из наиболее сурово наказываемых политических преступлений были династические посягательства против власти. «При династическом характере этих преступлений, — писал И. Я. Фойницкий (1889), — они концентрировались около известной личности» [2, с. 144]. В династичес-

ких и религиозных конфликтах, сопровождавшихся жесточайшими формами насилия, преступниками назывались представители побежденной стороны, и победители требовали выдачи побежденных, укрывшихся в других государствах.

Государственные перевороты были обыденным явлением политической жизни. «Государственный переворот имеет целью усилить или ослабить государственный строй... — утверждал в свое время Аристотель. — Производятся государственные перевороты путем либо насилия, либо обмана...» [3].

Политическое противоборство часто облекается в форму судебных репрессий — уголовного преследования политических оппонентов. Политическими преступниками объявляются люди, которые представляют реальную или мнимую угрозу существующей власти — светской либо церковной. При этом лица, находящиеся у власти, и лица, преследуемые властью, часто меняются местами.

Особый характер носят преступления, которые группируются «не около личности, а «около идеи» [2, с. 144]. «Идеологемы, — отмечает В. А. Бачинин, — чаще носят утверждающий, авторитарный характер, стремясь подчинить сознание индивидов политической воле государства... В государствах с авторитарным режимом идеологемы нацелены на всеобъемлемость своего влияния, на тотальную всеохватность умов и насильственное погашение всего особенного и нестандартного».

С давних времен существовали два вида «политических» преступлений — преступление против Бога и преступление против государства. Э. Дюркгейм утверждал, что «в низших обществах наиболее многочисленные проступки — те, которые оскорбляют нечто общественное; это проступки против религии нравов, авторитета... У древних германцев, по словам Тацита, только два преступления наказывались смертью: это измена и дезертирство» [4, с. 93]. Наступивший на тень фараона в Древнем Египте считался самым опасным преступником [5, с. 6].

Религиозные преступления — древнейшие идеологические правонарушения. Применение терминов «политические» и «общеуголовные» в их современной трактовке относительно этих преступлений носит весьма условный характер. Необходимо учитывать, что в религиозных правовых системах преступление и грех представляют собой одно и то же. Заповеди «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй» можно рассматривать в качестве религиозных и правовых запретов одновременно. Как пишет Г. Берман, «убийство, разбой и другие тяжкие нарушения прав человека считались в то же время нарушением права Бога; и наоборот, половые и брачные проступки, ведовство и колдовство, святотатство и другие тяжкие нарушения прав Бога считались в то же время нарушениями права человека» [6, с. 183–194]. Согласно теории мусульманского права, государство в лице правителя-монарха или парламента не может творить право, быть законодателем. Теоретически, только Бог имеет законодательную власть [7, с. 199–200]. Нарушение закона, таким обра-

зом, является преступлением против Бога, в силу чего имеет идеологический подтекст.

В средневековой Европе репрессивное право формировала не только государственная, но и церковная власть, вследствие чего сложилось деление права на гражданское (светское) и церковное (каноническое) [8, с. 92]. В соответствии с каноническим правом эпохи средневековья самое тяжкое идеологическое преступление — ересь (вероотступничество) — наказывалось смертной казнью [9, с. 17]. Известный российский юрист профессор Л. А. Камаровский (1881), в этой связи отмечал: «После упорной и многовековой борьбы со светской властью, папы в период своего могущества от Григория VII до Бонифация VIII, считали себя верховными Владыками Европы. Некоторое время можно было думать о торжестве всемирной теократии. По теории, юрисдикция пап должна была простирается на церковные дела и вопросы совести, но в силу теократического мировоззрения средневековых людей все мирское было подчинено духовному, и в каждом деле прямо или косвенно была замешана церковь» [10, с. 114—115].

Средневековая уголовная юстиция была очень жестокой [11, с. 156]. Распространение инквизиции и преследование религиозных преступлений привело к расширению уголовной репрессии. На основе положения, что все преступления, связанные с грехом, принадлежат суду церкви, к церковной юрисдикции были отнесена категория религиозных преступлений (ересь, колдовство, святотатство), а также нарушение супружеской верности, кровосмешение, двоеженство, лжесвидетельство, клевета и даже подделка документов, ложная присяга, ростовничество и т.п.

Трибуналы инквизиции, то есть особые суды для рассмотрения дел, относящихся в церковной юрисдикции, были введены католической церковью в XIII столетии. Инквизиция оказала большое влияние на развитие политического судебного процесса в странах Европы (кроме Англии). Символом средневековья стали необычайная суровость наказаний, а также господство церковных взглядов на сущность преступности и методы борьбы с этим явлением. Один из самых жестоких инквизиторов, Конрад Марбургский, считал, что лучше убить 60 невиновных, чем дать уйти от ответственности одному невиновному [12, с. 157—158]. К числу наиболее гуманных (бескровных) видов наказания инквизиторы относили сжигание на костре — земном прообразе чистилища. В Испании первый трибунал инквизиции был создан в 1480 г. По подсчетам специалистов число жертв испанской инквизиции за всю ее многовековую историю составило 300 тыс. человек, из которых 30 тыс. были преданы огню. В Англии, где инквизиции не было, преследования за ересь также были очень жестокими. По некоторым данным, общее число казненных (по всем видам преступлений) при Генрихе VIII составило 72 тыс. человек, при его дочери Елизавете (XVI век) — 89 тыс. [12, с. 196]. Преследование за мнимые идеологические преступления повлекло за собой

тысячи жертв и стало тягчайшим в истории человечества реальным преступлением.

Знаковыми событиями XV столетия стали суды над Яном Гусом, сожженным по приговору церковного трибунала (1415), и Джироламо Савонаролой, казненным по приговору инквизиционного суда во Флоренции (1498). Однако самый знаменитый судебный процесс этого века проходил в инквизиционном трибунале во французском городе Руане в начале 1431 г. Судили народную героиню Франции Жанну д'Арк. Этот процесс имел явно выраженный политический и международный характер.

Нужно заметить, что «политические» преступления принимали самые разнообразные формы. В средневековой Европе преступлением считалось всякое проявление «неверности» по отношению к королю, сеньору, цеху, гильдии. Анатомирование трупов рассматривалось как преступление, за которое до XVI века была установлена смертная казнь. Весьма неопределенным было понятие «государственной измены» в английском праве. Так, по акту о престолонаследии 1534 г. государственной изменой считалось всякое «предубеждение, оклеветание, попытки нарушить брак Генриха VIII с Анной Болейн». Вскоре изменой стало сожаление по поводу казни Анны Болейн [12, с. 122].

Политические преступления и политические преследования всегда были орудием захвата власти и ее удержания. Желая придать видимость легитимности расправе с побежденными, победители подводили итоги политической борьбы в форме политических процессов. Так, признанная виновной в политическом преступлении, 8 февраля 1581 г. была обезглавлена шотландская королева Мария Стюарт. В эпоху средневекового абсолютизма убийство монарха и других влиятельных лиц было почти обыденным явлением.

В период ожесточенных столкновений папского Рима с королевскими династиями Европы сформировалась традиция тираноборчества, которая была ориентирована на пример тираноборцев античности: Гармония и Аристокатона, Брута и Кассия. К XVI веку идея монархомахии, утверждавшая, что казнящий тирана — нарушителя законов божественных, человеческих и естественных — не убийца, а защитник справедливости, получила широкое распространение. Ею мотивировались «казни» Вильгельма Оранского (1584), Генриха III (1589) и Генриха IV (1610) [13].

Политические процессы стали орудием террора Великой Французской революции. 9 марта 1793 г. по решению Конвента был казнен король Франции Людовик XVI. По приговору Революционного трибунала 16 октября 1793 г. была казнена королева Мария-Антуанетта, обвиненная в преступлениях против французского народа. Тысячами невинных жертв террора, принесенных на «алтарь революции», ознаменовалось начало нового этапа в истории политической преступности — эпохи террора и терроризма.

Термин «терроризм» проник в юридическую лексику из политической сравнительно недавно. Первоначально понятие «террор» связывалось

с государственной политикой якобинцев. Якобинцы устрашали социум ради удержания власти, а их последователи — террористы-революционеры — устрашали правительство и общество в целях оказания влияния на власть и ее захвата.

Многие исследователи отмечают, что существует тесная связь между оппозиционным терроризмом и террором со стороны государства. По мнению Л. Диспо, различие состоит только в том, что «в первом случае это терроризм, рвущийся к власти, во втором — достигший ее. По масштабам, средствам, возможностям и ряду других параметров государственный и нелегальный терроризм — разные вещи. Но логика экстремизма, тип людей, осуществляющих террор, их мотивы, взгляды, методы очень близки. Следовательно, террористы, пришедшие к власти, будут делать то же, что и террористы государственные» [14, с. 31].

Под влиянием либеральных идей в европейском общественном сознании сложился романтический образ политического преступника, который был освящен ореолом героизма и мученичества. Терроризм, при нарушении главного морального запрета — «не убий!», претендовал на самую высокую степень моральности. Понятие «террористическая деятельность», применяемое для обозначения систематических убийств, маскировало их преступную сущность. В известной степени, это понятие было навязано самими преступниками, не желавшими отождествлять себя с убийцами.

Значительная часть общества восприняла терминологию и этику террористов. «Террор — одна из магистральных идей европейской и, в частности, русской культуры», — отмечают М. Одесский, Д. Фельдман [13]. В результате создалась парадоксальная и трагическая ситуация: убийство — деяние, являющееся естественным, «абсолютным» преступлением, получило моральное оправдание и более того, общественную поддержку. Сложился парадоксальный феномен «высококонравственной преступности». Герой или жертва — вот две роли, которые приемлет совершающий преступление «за идею». «Идея» так трансформирует восприятие поступка, что даже убийство ребенка не оценивается как преступное. Жертву клеймили именем злодея, убийцу называли героем и мучеником. «Идея» оправдывала убийц, придавая особый смысл преступлению, она и преобразовывала преступника в героя. Террористы манипулируют обширным словарем самооправдания; тягчайшие злодеяния объясняются трагической потребностью и благородными мотивами. Нет такого злодеяния, которое не пытались бы объяснить с использованием слов «народ» и «свобода».

В середине XIX века сформировались «партии нового типа», открыто провозгласившие террор в качестве метода политической борьбы. С этого времени терроризмом стали называть тактику, применяемую оппозиционными группировками для борьбы против правящего режима.

Терроризм изначально содержал в себе и общеуголовный, и политический компоненты. С. Нечаев, образовавший в августе 1868 г. в Москве

террористическое общество «Народная Расправа», был одной из наиболее одиозных фигур российского терроризма. В составленном им «Категоризисе революционера» люди цинично делились на категории: «неотлагаемо осужденных на смерть» и «людей, которым даруют временно жизнь, чтобы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта» [15]. И. А. Ильин замечал: «Бакунин с Нечаевым образовали крайнюю левую этого движения, которая подобно Петру Верховенскому («Бесы») искала братания с уголовным миром» [16].

Террористам необходима была идеологическая поддержка, и они ее получали. Так, в сентябре 1881 г. журнале «Набат» была опубликована статья П. Ткачева «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России», в которой Ткачев рассматривает терроризм как морально оправданное средство политической борьбы [17, с. 145].

На судебном процессе, проходившем в Киеве 1—9 ноября 1884 г., подсудимый Шебалин, принадлежавший к партии «Народная воля», в своем последнем слове заявил: «Нужно взять во внимание, что совершение преступления вызывается глубоким убеждением в его необходимости, что террорист, таким образом, является человеком идеи, действует во имя идеи, которой он приносит в жертву все, чем может жертвовать человек — свою судьбу, даже жизнь» [18].

Террористы XIX века не только не отказывались от своего «звания», но и гордились им. Действительно, слово «террорист» звучит предпочтительнее слова «убийца», «партия террористов» — предпочтительнее «партии убийц». «В России образовался особенный культ революционной святости, — писал Н. А. Бердяев. — Культ этот имеет своих святых, свое священное предание, свои догматы. И долгое время всякое сомнение в этом священном предании, всякая критика этих догматов, всякое непочтительное отношение к этим святым вело к отлучению не только со стороны революционного общественного мнения, но и со стороны радикального и либерального общественного мнения. Достоевский пал жертвой этого отлучения, ибо он первый вскрыл ложь и подмену в революционной святости. Он понял, что революционный морализм имеет обратной своей стороной революционный аморализм и что сходство революционной святости с христианской есть обманчивое сходство антихриста с Христом» [19]. Вспомним гениальный диалог братьев Карамазовых «Представь — что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на слезках его основать это здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей... согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях? ...И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького заму-

ченного, а приняв, останься навеки счастливыми?» — спрашивал Иван Карамазов. «Нет, не могу допустить», — отвечал Алексей [20, с. 276].

Противоположный ответ на вопрос о допустимости насилия, оправдываемого политическими целями, был дан героями романа «Бесы». Петр Верховенский задал один (важнейший!) вопрос участникам тайного собрания: «Если бы каждый из нас знал о замышленном политическом убийстве, то пошел ли бы он донести, предвидя все последствия?..» «Никто не донесет, разумеется, не донесет», — был дан ответ. «Ну, а если бы вы знали, что кто-нибудь хочет убить и ограбить другого, обыкновенного смертного, ведь вы бы донесли, предупредили?» — продолжал Верховенский. «Конечно-с, — ответили ему, — но ведь это гражданский случай, случай, а тут донос политический» [21, с. 383, 386].

В этом ответе сосредоточена суть самого трагического общественного заблуждения XIX века, имеющего самую непосредственную связь с кровопролитиями века двадцатого. «Так возникает интеллектуальный террор, в атмосфере которого «как-то совестно» возражать сперва против индивидуального террора, а следовательно (нужна ведь логика!), и против вооруженного насилия, этой повивальной бабки истории, которое та же история расшифровывает как массовый террор...» — пишет Ю. Н. Давыдов [22, с. 101].

Обесцениванию человеческой жизни способствовал факт совпадения массового террора «снизу» с террором «сверху» [23]. «Полагаю, что государственный террор, унесший с 1917 г. миллионы жизней, имеет генетическую связь с террором дореволюционным... — подчеркивал известный исследователь терроризма О.В. Будницкий. — История, как известно, имеет свойство повторяться. В случае с терроризмом она повторяется чаще как трагедия, а не как фарс» [24, с. 20].

Политическое преступление как преступление, направленное против государственной власти — такое представление об этом феномене сложилось в XIX веке. Однако уже тогда началось формирование более широкого представления о преступлении в его философском и политическом ракурсе — преступлении, исходящим от государственной власти.

Достаточно вспомнить, что идеологи анархизма, П. А. Кропоткин и М. А. Бакунин считали, что государство возникло как преступная организация, позволяющая сильным творить насилие над слабыми. За свою многовековую историю государство научилось эффективно подавлять любые восстания против своего авторитета. Нигилистическое отношение М. А. Бакунина к государству и праву исходило из убежденности, в том, что всякая власть держится на преступлениях, посредством которых создавались, укреплялись и продолжают сохраняться все государства. С того момента, когда преступление становится орудием государственной власти, оно превращается в «добродетель». Этот универсальный принцип политической борьбы, открытый Н. Макиавелли, относится ко всем прошлым, настоящим и будущим государствам. Согласно такому

подходу, нормы государственной морали противоречат нормам общечеловеческой нравственности и естественного права.

Притом что оппозиционные политические преступления и преступления власти находятся на разных полюсах политической преступности, граница между ними бывает трудно различима. Победители всегда подвергали репрессиям побежденных. Наиболее жестокие репрессии устанавливали правители, пришедшие к власти нелегитимным путем. «Бывшие» политические преступники, получив вместе с властью возможность называть политическими преступниками своих побежденных врагов, устраивали политические процессы, обвиняя в политических преступлениях своих оппонентов. Таким образом, они создавали тысячи мнимых «политических преступников». Приводя к власти нелегитимные правительства, революции устанавливали самые жестокие диктатуры.

Нередко бывает трудно определить момент, с которого терроризм антигосударственный — преступление рвущихся к власти — перерастает в террор государства — преступление пришедших к власти. Политические процессы зачастую являются, по существу, политическими преступлениями, в то время как политические преступники — террористы — облачают свои действия в форму «приговора», присваивая себе право на репрессию.

Да и так уж велика разница между преступниками, «казнившими» императора Александра II «по приговору» исполнительного комитета «Народной воли», и преступниками, расстрелявшими императора Николая II и его семью по постановлению Уралисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»? И те и другие называли императоров «палачами», и те и другие ссылались на «волю народа» [25].

«Сама оценка преступности или непроступности деяний политических подлежит наиболее сильным колебаниям; с изменением правительства ... преступления, считавшиеся наиболее тяжкими, низводятся до степени незначительных поступков или деяний безразличных», — заметил И. Я. Фойницкий [2, с. 144–145]. Что являлось преступлением — принятие 5 сентября 1918 г. постановления СНК «О красном терроре» или нарушение содержащихся в революционном праве запретов? Кто являлся преступником — люди, принявшие и исполнявшие постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г. (получившее в народе название «закон о пяти колосках»), или собиравшие колоски несчастные матери, дети которых были обречены на голодную смерть?

XX век с особой остротой поставил вопрос о «политическом преступлении» и «политической преступности». Совершение преступлений предписывалось и организовывалось нацистскими руководителями III рейха. Они осуществлялись в огромных масштабах и различными способами, одним из которых стал закон. «Преступления против крови и расы»

были объявлены наиболее опасными. Гитлер в речи 23 марта 1933 г. требовал впредь «измену государству и народу истреблять с варварской беспощадностью». В речи в рейхстаге 13 июля 1934 г. Гитлер объявил себя «высшим законодателем немецкого народа» [26].

В середине прошлого столетия в ходе Нюрнбергского и Токийского процессов были осуждены лица, обвинявшиеся в политических преступлениях как преступлениях против международного права. Впервые в истории перед судом предстали не только нарушители, но и создатели законов. Правосудие и закон стали главными обвиняемыми в Американском военном трибунале в процессе по делу нацистских юристов (процесс № 3). Главный обвинитель Т. Тэйлор заявил: «Настоящий процесс необычный, поскольку подсудимые обвиняются в преступлениях, совершенных именем закона. Эти люди... были воплощением того, что в «третьем рейхе» считалось правосудием [27, с. 35–36]. В приговоре по этому делу Американский военный трибунал пришел к заключению: «Вывод, который можно сделать на основании доказательств, представленных самими подсудимыми, ясен: в германской правовой теории декреты Гитлера были щитом для тех, кто поступал в соответствии с ними, но перед Трибуналом, которому предоставлено право применять международное право, декреты Гитлера не могут быть защитой ни для самого фюрера, ни для его подчиненных, если они применялись в нарушение международного права» [27, с. 169]. Фашизм стал символом и воплощением преступной политики и международного преступления. Понятие «преступление» вышло за пределы национального права.

Международное преступление индивида как основание международной уголовной ответственности — такое понятие международного преступления утвердилось в связи с созданием и деятельностью Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками второй мировой войны. Нюрнбергским и Токийским прецедентами международное право реализовало свою собственную концепцию международного преступления. Правовая ценность Нюрнбергского прецедента состоит, прежде всего, в том, что он сформировал принципиально новое понятие преступления — преступления, международного как с точки зрения юрисдикции, так и по характеру применяемого материального права, то есть деяния, служащего основанием международной уголовной ответственности.

Индивидуальная международная уголовная ответственность является одним из средств, которыми международное право стремится противодействовать репрессивному политическому режиму. Международная уголовная юстиция может стать важным звеном в международно-правовом механизме защиты прав человека. Вместе с тем, приходится признать, что пока селективное применение международного уголовного права является серьезным недостатком международной правовой системы. В вопросах предания суду лиц, обвиняемых в совершении деяний, подпадающих под параметры международных преступлений, правосудие

и политика находятся в постоянном противоборстве между требованиями права и политическими соображениями. В конечном счете, международная уголовная юстиция может оказаться заложником политических интересов. Необходимо исключить саму возможность появления нового вида политических преследований — преследований, осуществляемых от имени мирового сообщества.

По мере развития международного права и признания приоритета общечеловеческих ценностей над какими бы то ни было политическими соображениями, в мировом сообществе формируется понимание преступности всякого насилия: войн и революций, оправдывающих человеческие страдания справедливостью целей, и традиционных преступлений, не имеющих такого оправдания. К началу XXI века политическая преступность превратилась в серьезнейшую и постоянно действующую угрозу международной и национальной безопасности и стабильности. Мир, попавший в западню политической преступности, должен найти в себе силу прервать замкнутый круг насилия, порождающего все более жестокое насилие.

Л и т е р а т у р а и п р и м е ч а н и я

1. Кудрявцев В. Н. Политическая юстиция в СССР / В. Н. Кудрявцев, А. И. Трусов. — С.Пб., 2002. — С. 17-18.
2. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И. Я. Фойницкий. — М., 2000.
3. Аристотель. Политика // Сочинения : в 4 т. / Аристотель. — М., 1983. — Т. 4. — С. 527–536.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. — М.: Наука, 1991.
5. Михайлов А. Е. Некорыстная насильственная преступность и ее предупреждение / А. Е. Михайлов. — К., 1997.
6. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Берман. — М., 1998.
7. Бехруз Хашматулла. Введение в сравнительное правоведение / Бехруз Хашматулла. — О., 2002.
8. Оборотов Ю. Н. Традиции и новации в правовом развитии / Ю. Н. Оборотов. — О., 2001.
9. Малиновский А. А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права / А. А. Малиновский. — М., 2002.
10. Камаровский Л. О международном суде / Л. Камаровский. — М., 1881.
11. Шнайдер Г. Й. Криминология : пер. с нем. / Г. Й. Шнайдер ; под общ. ред. Л. О. Иванова. — М., 1994.
12. Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права / З. М. Черниловский. — М., 1996.
13. Одесский М. Поэтика террора. Пушкин, Ф. Достоевский, Андрей Белый, Б. Савинков / М. Одесский, Д. Фельдман // Общественные науки и современность. — 1992. — № 2. — С. 81–93.
14. Диспо Л. Машина времени / Л. Диспо // Терроризм: современные аспекты : сб. науч. ст. — 1999. — С. 31.
15. Пирумова Н. М. М. Бакунин и С. Нечаев / Н. М. Пирумова // Прометей : ист.-биограф. альм. — М., 1968. — Т. 5. — С. 145–173.

16. Ильин И. А. Почему сокрушился в России монархический строй? / И. А. Ильин // Социологические исследования. — 1992. — № 4. — С. 70–77.
17. Рудницкая Е. Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев / Е. Л. Рудницкая. — М., 1992.
18. Социал-революционное обозрение «Народная воля». Год 6. — 1885. — № 11–12.
19. Бердяев Н. А. Духи русской революции / Н. А. Бердяев // Литературная учеба. — 1989. — № 2. — С. 123–140.
20. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. — (Собр. соч.: в 15 т.; т. 9).
21. Достоевский Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский. — (Собр. соч.: в 15 т.; т. 7).
22. Давыдов Ю. Н. Горькие истины «Вех» (трагический опыт самопознания российской интеллигенции) / Ю. Н. Давыдов // Социологические исследования. — 1991. — № 7.
23. Цой Л. Н. Новый взгляд на борьбу с терроризмом: борьба с терроризмом или с террористом? / Л. Н. Цой // Терроризм: современные аспекты: сб. науч. ст. — М., 1999. — С. 47.
24. Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / О. В. Будницкий. — Ростов н/Д, 1996.
25. В постановлении Уралисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов говорилось: «Принимая во внимание, что коронованный палач, скрывшись, может избежать суда народа, Исполнительный комитет, исполняя волю народа, решил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых преступлениях (см.: Радзинский Э. С. Господи... Спаси и умири Россию. Николай II: жизнь и смерть / Э. С. Радзинский. — М., 1995. — С. 372).
26. Алексеев Н. С. Ликвидация законности в третьем рейхе и преступления нацистской юстиции / Н. С. Алексеев // Нюрнбергский процесс и современность / отв. ред. В. В. Пустогаров. — М., 1986. — С. 29.
27. Нюрнбергский процесс. Суд над фашистскими судьями: сб. материалов. — М., 1970.

А н о т а ц і я

Зелінська Н. А. Політичні репресії та політичні злочини: історико-правове есе. — Стаття.

У статті здійснено аналіз розуміння категорій «міжнародний злочин» та «тероризм» крізь призму історичного розвитку міжнародної злочинності. Зроблено висновок, що індивідуальна міжнародна кримінальна відповідальність є одним із засобів, якими міжнародне право прагне протидіяти репресивному політичному режиму. Міжнародна кримінальна юстиція може стати важливою ланкою в міжнародно-правовому механізмі захисту прав людини.

Ключові слова: міжнародне кримінальне право, міжнародні злочини, міжнародна кримінальна юстиція

S u m m a r y

Zelinska N. A. Politic Crimes and Assassinations: historical-legal essay. — Article.

In the article the analysis of understanding of categories is carried out «international crime» and «terrorism» through the prism of historical development of international criminality. A conclusion is done, that individual international criminal responsibility is one of facilities which an international law aims to counteract the repressive political mode. International criminal justice can become an important link in the international-legal mechanism of defence of human rights.

Keywords: international criminal law, international crime, international criminal justice.